

В тенетах погребального костра...

Жизнь человеческая состоит из приобретений и потерь. Это непреложное правило нашего бытия даже нашло воплощение в особом законе культурной пирамиды или, иными словами, законе приобретений и потерь, некогда сформулированном Марком Ткачуком в книге «Археология свободы». Согласно одному из положений этого закона, чем больше мы теряем, тем больше приобретаем, и наоборот. Но если в области культуры действие данного закона соблюдается почти что неукоснительно, то в обычной человеческой жизни его эффективность выглядит не столь однозначно. С годами груз потерь становится все ощутимей и масштабней, а приобретения неумолимо сокращаются числом и значимостью. Уходят силы, родные, друзья, эпоха, с которой ты связан воспоминаниями детства, юности и зрелости, того времени, когда о потерях почти не задумываешься, а поток приобретений захлестывает с головой. Хотя со временем с потерями свыкаешься, понимая их неизбежность, но бывают все же утраты, которые принять просто невозможно в силу их какой-то очевидной невероятности и несправедливости. Неожиданный уход Стаса в конце прошлого года, безусловно, можно отнести к числу таких утрат.

Впервые Станислав, он же Стас и Стасик, как его нередко называли поздней, появился в моем кабинете в Высшей Антропологической Школе весной 2003 года. Вместе с двоюродным братом он принес какие-то археологические материалы, собранные где-то на просторах Молдавии. Во время своего посещения Стас, кажется, не произнес ни слова, предоставив право необходимых объяснений своему старшему брату. Но неразговорчивый молодой человек мне все же запомнился, хотя бы своей гренадерской статью. Тогда я, конечно же, не подозревал, что общаюсь с человеком, с которым меня в дальнейшем крепко свяжут профессиональные интересы и многолетние дру-

жеские отношения. Но путь до этих отношений был долг и порой весьма тернист.

Уже в сентябре того же 2003 года Станислав обнаружился среди вновь поступивших студентов нашего университета. Признал я его, конечно, сразу. В процессе нашего последующего знакомства выяснилось, что Стас поступил в Высшую Антропологическую Школу, отучившись до этого пару курсов в Экономической академии в Кишиневе. Принимая во внимание невероятно высокий престиж экономического образования, по крайней мере, в Молдавии, переход на мало кому понятную специальность культурного антрополога, несомненно, можно было расценивать как Поступок. Это, конечно же, заставляло отдавать должное целеустремленности молодого человека.

Со временем открылись и другие ценные качества Станислава. К числу важнейших я бы отнес какой-то невероятный энтузиазм, который постоянно светился в его глазах и проявлялся в самых различных областях деятельности, в которые он был вовлечен. В первую очередь этот энтузиазм проявился в его подходе к тьюторской работе, тема которой определялась уже на первом курсе. Тогда я предложил Стасу заняться систематизацией зооморфных изображений на сосудах трипольской культуры. Мы с ним разработали процедуру исследования, и Стас приступил к работе. Впрочем, приступил — это довольно слабое определение. Стас в тему буквально вгрызался, уделяя работе все возможное время. В короткий срок он освоил университетскую библиотеку, а затем прочно обосновался в моей домашней библиотеке, благо, в ней литературы по теме было предостаточно, учитывая мои собственные научные интересы. Такая, я бы сказал, неистовость в исследованиях, способность упорно работать, забывая о мирских заботах, была еще одной отличительной чертой Стасика.

Уже на первом курсе Станислав проявил себя как талантливый и работоспособный человек. К этим достоинствам добавлялось очень хорошее и разностороннее общее образование, полученное, как мне кажется, в основном в семье. Стас вообще сразу же производил впечатление умненького и хорошо воспитанного мальчика из достойной семьи. Позднее, когда мне довелось познакомиться с родителями Станислава, я понял, что не ошибся относительно семейного воспитания. Родители у мальчика действительно замечательные.

Между тем, успехи Стаса были столь ощутимы, что в октябре 2004 года я решил взять его с собой на конференцию в Киев, посвященную изданию энциклопедии трипольской культуры. Мне казалось, что молодому дарованию будет полезно поприсутствовать на этом научном форуме, в котором должны были принять участие многие видные исследователи того времени. И не ошибся. Станислав прилежно присутствовал на всех заседаниях, черкал какие-то заметки в своем блокноте и всячески выказывал живейший интерес. Правда, мой утренний доклад он все-таки проспал, слишком увлекшись накануне вечером дискуссиями с коллегами. Переживал потом, но я ему сказал, что ничего предосудительного в этом нет, поскольку общение с коллегами в неформальной обстановке все же важнее. Стас сделал вид, что согласен.

В Киеве мне открылась еще одна примечательная черта характера Станислава — его какая-то фантастическая коммуникабельность. Лермонтовское «с людьми сближаясь

осторожно...» — это не про Стаса. Он как-то очень легко завязывал знакомства, а нередко и дружбу, с самыми различными людьми, мгновенно и органично вписываясь в любую компанию или среду, неизменно вызывая искреннюю симпатию и неподдельный интерес. Позднее, когда Станислав отработал первый сезон на телле Пьетреле в Румынии у Свенда Ханзена, тот мне поведал при встрече, что мой протеже вошел в их интернациональный экспедиционный коллектив как «нож в масло», и меня это почему-то совсем не удивило. Стас всегда был душой любой компании.

Поездка в Киев, безусловно, удалась. После дневных заседаний мы долго бродили со Стасом по улицам этого удивительного города, заходя порой в небольшие бары или кафе, чтобы не притуплять остроту дискуссии. Мы делились впечатлениями от конференции, строили планы на будущее, обсуждали различные темы, как археологические, так и далекие от науки. Со Стасиком всегда было интересно. Парнем он был начитанным и, что мне лично кажется особенно существенным, воспитанным в привычной для моего поколения шкале ценностных ориентиров. В силу этого взаимопонимание достигалось довольно легко и непринужденно. Эти прогулки по Киеву мы неоднократно вспоминали как один из самых приятных эпизодов на протяжении нашей долгой дружбы.

Нельзя сказать, что Станислав был соткан исключительно из достоинств. Иногда его необязательность и безалаберность приводили меня, и, к слову сказать, не только меня, в полное исступление. Но даже эти, в общем-то,

не самые ценные качества придавали Стасику какую-то дополнительную толику шарма, поскольку постоянный образ святой невинности на его челе, несмотря на все прегрешения, просто исключал всякую возможность сердиться на него слишком долго. Как сейчас помню привычную картину. Двое в кабинете. Я с менторским занудством распекаю Стаса за какие-то очередные прегрешения: то ли экзамен не сдал, то ли лекции прогуливал, то ли еще где набедокурил. Стас, сидящий напротив, напряженно сопит. Сопит, но глаз не отводит, как ребенок, который понимает, что его сейчас ругают, но потом все равно простят, потому что он хороший и его все любят. Эта детская искренность в глазах Стасика была настолько подкупающей, что обижаться или долго сердиться на него было просто нереально. Он действительно часто казался таким большим ребенком, который постоянно нуждался в любви и опеке. И что интересно — это всегда хотелось ему дать.

По мере обучения в университете у Станислава сформировался специфический круг научных интересов. Уже на втором курсе он увлекся изучением антропоморфной пластики культуры Кукутень-Триполье, и если сразу экспертом в этой области не стал, то уже за достаточно короткий период обладал знаниями, заметно превышающими уровень обычного студента. И не удивительно, что первая его публикация в виде небольших тезисов конференции в Збараже в 2004 году была связана именно с этой тематикой. Позднее Стас на своем творческом пути неоднократно обращался к этой теме, и вершиной данных изысканий явилась книга по антропоморфной пластике периода Кукутень А-Триполье В1, опубликованная незадолго до его смерти в соавторстве с Марианой Василяке. Несомненно, можно было ожидать и других трудов в этой области, поскольку потенциал был накоплен просто огромный. Жаль, что не довелось.

После окончания университета Станислав вступил на нелегкую трудовую стезю научного работника. Не все сразу получалось, хотя все предпосылки для успешной научной карьеры у Стаса имелись с избытком. Изрядно осложняли жизнь бытовая неустроенность, необходимость постоянно изыскивать средства на более-менее нормальную жизнь, неурядицы на matrimonialном фронте, но более всего, наверное, жесткая трудовая регламента-

ция. Стас, как многие творческие люди, тяжело страдал от необходимости неукоснительно соблюдать трудовую дисциплину. Действительно, Станислав и дисциплина были очень плохо совместимы. В силу этих обстоятельств молодой ученый нередко впадал в депрессивное состояние, из которого выковырять его было крайне сложно. Стасик просто исчезал, и найти его было просто невозможно.

Но в итоге жизнь как-то наладилась. Станислав поступил в аспирантуру Института археологии РАН, был принят в крупный научный проект по изучению трипольских мегапоселений, осуществляемый Институтом пре- и протоистории университета Киля, интенсивно публиковал новые работы и, главное, женился на девушке своей мечты. Как говорится, все звезды сошлись, и впереди долгая и чертовски интересная жизнь. Помнится, когда Стас сдавал экзамены в аспирантуру в Москве, то после каждого экзамена слал мне сообщение: «Пятерка. Полет нормальный». К несчастью, полет прервался. Жаль Стасика. Жаль его родителей, которые так и не успели отдать ему без остатка всю свою любовь, теплоту и заботу. Жалко его жену, увы, теперь уже вдову, девочку с глазами Ассоль, которую Стас боготворил и готов был носить на руках.

Но Стас остается с нами. И да не покроется пеплом в наших душах память о замечательном человеке, талантливым ученом и преданном друге, каким мы знали Стасика на протяжении многих лет.

И. В. Манзура